

ЮЛИЯ РЕЗНИК

НАЧИСТО

Юлия Резник

Начисто

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Аннотация: – Валь, геолокация показывает, что это колония!
Мне пишет зэк!

– Батюшки-светы! Это точно? Тогда говори ему «чмоки в обе щеки» и бань. Сейчас же!

«Я тебя напугал?»

Нет! Ну какой – бань? У меня вон аж мурашки побежали по телу. Кайф. Я ж адреналиновая наркоманка!

«Скорее заинтересовал».

«И чем же»

«Своим нестандартным подходом. Я где-то читала, что зэки сначала втираются в доверие глупым женщинам, а только потом сознаются, что они на самом деле сидят».

«Выходит, твоя взяла. Я ненормальный. Ненормальный зэк. А ты кто?»

Я – красивая, успешная девушка с приличным счетом, огромной квартирой в центре и еще большими перспективами. Он – обитатель социального дна, и в нашей переписке нет никакого смысла. Но я беру телефон и пишу ему ответ...

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	25
Глава 3	36
Глава 4	47
Глава 5	58
Глава 6	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Юлия Резник

Начисто

Пролог

– И это ж к кому туда направляется такая куколка? – интересуется бомбила, когда я называю адрес, куда меня нужно докинуть. Избалованная молчаливой обходительностью водителей такси бизнес-класса, я не сразу понимаю, что свой вопрос мужик адресовал мне. Делаю вид, что не расслышала, заталкиваю чемодан в любезно приоткрытый багажник, а баул с едой пристраиваю на заднем сиденье рядом с собой.

– Батя-сиделец? Муж? Брат?

Если бы. Если бы так. Мой приезд сюда был бы, по крайней мере, оправдан. Ну, или, на худой конец, объясним. А попробуй, кому скажи, что я пролетела три тысячи километров, чтобы скрасить свидание зэку, с которым случайно познакомилась на сайте знакомств и до этого дня ни разу не видела, что про меня подумают?

Конченная. Это в лучшем случае. И ведь не поспоришь.

– Знакомый. Вы, пожалуйста, за дорогой следите. Скользко у вас.

– А, так ты нездешняя? Я сразу подумал – столичная штучка! Глаз у меня наметан. Там-то, небось, еще осень? А у

нас как выпал десятого снег, так и лег. Теперь до апреля будет.

Мужу мои ответы не нужны. Он просто говорит и говорит. Я же давно утратила интерес к бессмысленным разговорам. Меня не хватает даже на принятый в любом коллективе смолл-ток. Интересно, уж не поэтому ли подчиненные за глаза меня называют не иначе как сукой? Смешные.

В машине воняет куревом и дешевым еловым ароматизатором. Прячу нос в воротнике куртки. Уж не знаю, разбираются ли здешние зэки в брендах, но на всякий случай я оделась попроще. Не надо моему «знакомому» знать о том, что я девушка обеспеченная. В конце концов, делиться с ним своими кровно заработанными я не планирую. Пусть ищет другую дуру. Таких в нашей многострадальной стране навалом, говорю вам со всей ответственностью. Некоторые идиотки вот так познакомятся в интернете, а потом увязают в кредитах и микрозаймах, потому что их умело, со знанием дела, разводят.

Мой максимум, вон, жратва. Домашняя, кстати. Кошусь на сумку со снедью. Я заранее нашла ресторан с домашней кухней и заказала всего понемногу. Глядишь, если быстро доедем, даже не успеет остыть. Если нет – в комнате для свиданий должна быть микроволновка.

– А ехать долго? – интересуюсь у мужика, прерывая его несмолкающий треп.

– Так видишь же – гололед. А я резину не успел поменять.

Знаешь, как у нас говорят? Тише едешь – дальше будешь.

Вот так и бери машину с бордюра. Не успел он, блин, поменять. Впрочем, а какие у меня были варианты? Убер до этого захолюстя еще не добрался.

Убер не добрался, а я вот она. Какого черта, спрашивается? Яся, какого черта?

Растерев виски, утыкаюсь в телефон. Как раз проснулась Лондонская биржа. Надо бы глянуть, но концентрации – ноль. Мысли разбегаются, и в пустоте черепной коробки остается только один вопрос. Что не так я делала в этой жизни, что она привела меня в эту точку?

Зэк, Яся. Seriously? Зэк? Тебе столичных мужиков мало? Холеных, богатых мужиков...

Как, например, мой непосредственный начальник Игорь Молотов? Или, может, Матвей? С которым я пыталась строить серьезные отношения как раз назло этому самому начальнику?

Настроение резко портится. Отворачиваюсь к окну, потирая зазубренную кожу на запястье. Теперь эти неровности маскирует красивая татуировка. Единственная на моем теле.

М-да уж. Зэк. Ну, посмотрим. Вдруг меня не пропустят? Например, найдут что-то запрещенное в еде. Или еще какой-то предлог подыщут. Стоп. А как я вернусь в город, если тут не работает приложение такси? Переадресовываю этот вопрос водиле.

– А ты мой номерок запиши, – подсказывает тот. – Как на-

до будет подъехать – звякни. Я или сам примчу, или перепоручу тебя кому-нибудь посвободней.

Все же я молодец, даже пути отступления продумала. Так какого же черта меня опять начинает колбасить, как только на горизонте показываются унылого вида бараки?

Игорь называет меня адреналиновой наркоманкой. Может, он прав. Прыгая с парашютом, ныряя на сумасшедшую глубину, карабкаясь на чертов Эверест, я чувствую себя живой. Ну, или вот как сейчас. Тоже ведь экстремальненько.

Вбиваю контакты водилы в телефон как раз тогда, когда машина притормаживает у выкрашенных унылой серой краской ворот. Что ж, примерно так я себе это все и представляла по тем описаниям, что мне попадались в интернете. Выхожу. Лицо обжигает холодом. Мороз проникает под полы расстегнутой куртки, под тоненький свитерок и проходит по пояснице. Непривычно – жуть. В столице действительно бабье лето. А тут – самая настоящая зимняя сказка. Деревья во льду – красиво. Срывается снег. Даже не знаю, что меня удивляет больше – такой климатический контраст или то, что я на самом деле вижу – и эти деревья, и искрящийся лед на них, и снег, и тусклый блин солнца. И небо! Здесь оно низкое-низкое. Обычно ведь все бегом, все мимо. Времена года сливаются в одну смазанную картинку, на стоп-кадрах которой лишь иногда можно разглядеть, как я достаю из гардероба или убираю вещи по сезону.

– Ну, удачи тебе, куколка, со знакомым!

Заставляю себя улыбнуться. Все же морозить игнором мужика, от которого зависит свобода твоих передвижений, не стоит. Я стерва, а не дура. Крепче сжимаю пальцы на ручке чемодана. Поправляю баул на плече и, набрав свободы полные легкие, шагаю к КПП.

По тем же статьям в интернете я знаю, что впереди меня ждет самая неприятная часть этого аттракциона. Шмон. Протягиваю паспорт в окошко. Я не вхожу в категорию лиц, с кем моему зэку позволены свидания. Поэтому разрешение на него он получал аж у самого начальника колонии. Обо всех этих нюансах я знаю давно. Но почему-то только сейчас мне пришло в голову, что свиданию со мной Клим предпочел встречу с гораздо более ему близкими людьми. С матерью, сестрой, или женой, если таковая имеется. Эта мысль заставляет меня зависнуть. Мысль о том, что меня предпочли всем другим. Потому как на семейный статус Климa мне, если честно, плевать. Будущего у нашей с ним встречи все равно нет. Я здесь... хрен его знает, зачем. Может, это тоже дно, на которое мне захотелось вдруг опуститься?

Моя Марианская впадина.

Охранник? Надсмотрщик? Вертухай? Или как его там, расстегивает сумку, а минутой спустя дело доходит и до чемодана. В мужских колониях досмотр намного более тщательный, чем в женских (спасибо тебе, глобальная сеть, за мою осведомленность), так что я готовлюсь к самому худ-

шему, но его не происходит. В моем нижнем белье никто не роется. Да и сумку с продуктами и средствами гигиены рассматривают весьма бегло.

– Проходите.

И все?

А нет. Сально улыбающийся мудака решает произвести личный досмотр. Хотя по всем законам лицам противоположного пола это делать запрещено. Сцепив зубы, терплю.

– Гарин! Ты совсем охерел?! – рявкает на того мужик постарше.

– Так ведь девчонка какая... – ржет тот. – У Дыма всегда высший сорт. Вот где справедливость, Петрович?

Всегда, значит? Интересно. И, черт его дери, азартно.

– Я сам вас провожу, – хмурится Петрович, на что я лишь пожимаю плечами. Проводит – и проводит. Что уж? Плетусь за охранником по унылому коридору. Пульс частит, кровь долбит в уши. Я ведь даже не знаю, как этот Дым выглядит. Единственное фото на сайте знакомств практически не информативно. Он в кепке с козырьком. Лица не видно. В профиль можно различить только губы. Обычные мужские губы. Твердые. Неулыбчивые. Ничего примечательного.

Интересно, он уже там? В комнате, где нам предстоит провести запертыми трое суток?

– Нож вам для готовки нужен?

– А что, можно нож?

– Утром выдаю. Вечером забираю.

– А. Тогда, наверное, давайте.

Вообще-то в целях гигиены я привезла свою посуду. А вот брать колюще-режущие по понятным причинам не стала.

– Ну, тогда вот. Проходи.

– Постойте, – в панике хватаюсь за широченную заскоруж- лую ладонь охранника. – А он... Он уже там?

– Здесь два разных входа. Для гостей и заключенного.

Да-да, точно. Я об этом читала. Что ж так стремно-то? Мое сердце в последний раз так колотилось, когда я сдуру забрела в эсватинские трущобы. Кстати, вот где меня в са- мом деле могли ограбить, изнасиловать и убить. Здесь же мне вряд ли что-то грозит. Ну не станет же он меня насило- вать, правда, чтобы добавить к своему сроку еще какое-то количество лет?

Если у нас и будет секс, то только по согласию.

Наверное...

Делаю глубокий вдох в надежде, что это поможет, но лишь давлюсь не очень-то приятным запахом казённого помеще- ния. Надзиратель гремит замками и, пропуская меня вперед, чуть отступает в сторону. Делаю шаг, еще. За спиной гремит колесиками чемодан. Я вскидываю взгляд, он поднимается мне навстречу.

– Привет.

– Привет.

Можно немного сентиментальной банальщины? От его голоса в животе действительно что-то сладко сжимается.

Он такой... как бы объяснить? Успокаивающий. Да, наверное, так. Напитываясь им, я невольно зажмуриваюсь.

– Ясмин.

– Я в курсе.

Ну что я за дура? Конечно, он в курсе. Именно под этим ником моя помощница Валюха зарегистрировала меня на сайте. В переписке он сотни раз называл меня по имени. Сама себя не узнаю. Где мои мозги? Где хваленые самоуверенность и бесстрашие? Распахиваю глаза.

– Можно Яся.

– Клим, – разводит руками, – сокращать не приходится.

Яркий свет, заливающий комнату на контрасте с сумраком коридора, играет со мной злую шутку. Его лицо... Я только теперь его вижу. Клим старше. Намного старше, чем я думала, когда ввязывалась в эту авантюру. Пожалуй, ему хорошо за сорок. Первой в глаза бросается его бледность. Конечно, не самая сексуальная история для мужчин, но вполне оправданная, если твоя кожа годами не видит солнечного света. Следом на автомате отмечаю чисто выбритые щеки, идиотскую стрижку под машинку, крупный нос, плотно сжатые губы. И зависаю, встретившись с его взглядом. Как и всякий социопат, я весьма наблюдательна. Может быть, поэтому меня не может обмануть воцарившийся на дне его глаз штиль.

Не сумев скрыть тревоги, я громко сглатываю. Соскальзываю взглядом по шее, плечам, торсу, обтянутому футбол-

кой... Tommy Hilfiger. Серьезно?

Наверное, такой тип фигуры в полной мере можно охарактеризовать словом «жилистый». А еще он высок. И так мне кажется вовсе не потому, что сама я – метр шестьдесят от макушки до пяток. В нем навскидку все метр девяносто. А может, и того больше.

– Разочаровал?

Больше всего в нашей странной переписке я ценила то, что с ним я всегда была откровенной.

– Думала, ты помладше будешь. А я?

– Что ты?

– Разочаровала?

Так странно. Я уверена в собственной привлекательности и уже давно не нуждаюсь ни в чьих комплиментах. Тем более в лестном отзыве от зэка, который, по меньшей мере, полгода не видел женщины, но его короткое и, в общем-то, абсолютно бессодержательное «шутить?» ощущается лучшим комплиментом из всех, что я когда-либо слышала. И еще взгляд, конечно. Да-да, я ни черта не ошиблась. Там внутри – ураган, и он меня сносит. Вместе с чемоданом и котомками... Сначала – образно выражаясь, и тут же – вполне реально. Одной рукой подхватывает под задницу, другой скользит вверх по спине к затылку. И целует. Сходу, по-взрослому. Прикусывая губы, скользя языком в рот, отнимая дар речи, забирая дыхание... Видно, от удушья, мой мозг полностью отключается. Я приоткрываю рот и в награду за мою капитуляцию

его губы становятся – самую малость – мягче. Это и близко не нежность, это что-то совершенно другое. Меня слегка потряхивает в его руках. Клим успокаивающе гладит меня по волосам и спине очень странными, рваными и, как я потом уже понимаю, давно забытыми этим мужчиной движениями. Которые почему-то действуют на меня сильнее всего остального. Что-то рвется внутри меня, ведь, ну правда, сколько лет прошло с тех пор, когда меня в последний раз пытался кто-то вот так утешить? Отстранившись не больше, чем на миллиметр, отчаянно хватаю носом воздух у его скулы.

По дороге сюда я о чем только не думала. Думала и о том, как он пахнет. Сами понимаете, учитывая особенности тюремного быта, надежды на то, что мне понравится его запах, было немного. На деле же исходящий от него аромат вполне приемлем. Клим пахнет чистой кожей, стиральным порошком и, возможно, лосьоном после бритья. И я не понимаю, почему меня эта нормальность выбивает из колеи.

– Стой. Перестань... Я не хочу.

Дым медленно опускает меня на пол.

– А что хочешь?

– Уйти отсюда. Я хочу отсюда уйти.

Глава 1

За пять месяцев до...

Из сна меня выдергивает звонок в дверь. Звук и так не то чтобы привычный, а после трехнедельного отпуска на островах так и вовсе почти забытый. Растерянно моргая, подхватываюсь на кровати.

Дзинь-дзинь-дзинь.

Кого там принесло в каких-то... восемь тридцать?!

Прячу голову под подушкой, но не тут-то было. К трели домофона добавляется стук кулака. И я почти уверена, что выжди я еще хоть минуту, в ход пойдут носы ботинок. С тяжелым вздохом сползаю с кровати и, в чем была, спускаюсь на первый этаж. Напольное покрытие приятно холодит ступни, которые еще вчера топтали не очень-то чистый балийский пляж.

– Надеюсь, к тем, кто ходит в гости по утрам, импотенция тоже приходит пораньше, – бурчу я, распахивая дверь.

– И тебе доброе утро, – язвит мой неожиданный гость.

– Спасибо. Чего тебе?

– Будем тут говорить? В дверях?

– Ты на часы смотрел? К разговору я буду готова примерно... послезавтра.

– Ясмин! – рявкает Молотов. У-у-у. Что-то мой босс явно не в настроении. Закатываю глаза и демонстративно отсту-

паю на шаг.

– Я в душ. Хочешь кофе – ты знаешь, что делать.

Игорь морщится. Он ненавидит, когда я такая. А я так привыкла ему угождать, что даже сейчас, когда вся необходимость в этом отпала, мне один черт приходится себя осаживать. Интересно, сколько еще должно пройти времени, чтобы данный условный рефлекс атрофировался? Что еще он должен сделать, а? Как по мне пройтись?

Вместо того чтобы воспользоваться любезным предложением выпить на кухне кофе, Молотов поднимается вслед за мной вверх. Вот же баран упертый! Хочешь посмотреть? Да пожалуйста. Снимаю через голову футболку. Отбрасываю в сторону. Как тебе такое шоу, Игорь? А мои пропорции? До сих пор соответствуют твоим высоким стандартам?

– Яся... – хрипит, со спины обнимая меня за плечи. Сколько ему? Сорок пять, кажется. А ты смотри. Заводится с полтычка, как пацан в пубертате. В поясницу упирается приличных размеров прибор моего первого мужчины. И мое тело, выдрессированное его ублажать, конечно, откликается, как по мановению волшебной палочки.

– Ну, какого черта, Игорь?

– Соскучился. Я по тебе соскучился, Яська.

– Тебе еще не надоело вешать лапшу мне на уши? Я же русским языком сказала – найди другую дуру, которая будет молча терпеть твои измены.

– Да не было никаких измен!

– А с твоей новой ассистенткой это, видимо, был тимбилдинг? – по привычке я зло очериваюсь, но поймав себя на этом, сдуваюсь. – Нет. Молчи. Я даже слушать ничего не хочу.

Мой психолог утверждает, что наши больные отношения не закончатся до тех пор, пока я не прерву с Молотовым все контакты. И чем дальше, тем тверже я убеждаюсь, что в ее словах имеется смысл. Вот только куда я денусь? Это Игорь создал ту самую Ясмин Ким, которую теперь все знают. Как-то разглядев в зеленой восемнадцатилетней студентке экономического не абы какие способности к всякого рода прогнозам. Определенно без него я бы никогда не сделала своей головокружительной карьеры, став одним из лучших инвестиционных аналитиков на этой части суши.

Будто специально перед глазами возникает картинка – я, еще совсем юная, стою в своей старой квартире перед напольным зеркалом. А Игорь возвышается у меня за спиной и, намотав на кулак волосы, муштрует:

– Кто ты без меня, Яся? Думаешь, ты чего-то без меня стоишь?

– Да!

Молотов хмыкает. Прикусывает ушко. И не спорит. Зачем? Он ведь в курсе, что я сама себе не верю. Игорь сделал все, чтобы я не верила. Ох уж этот комплекс самозванца, который он с такой тщательностью культивировал во мне все эти годы. Я даже теперь порой ловлю себя на мысли, что мои

успехи не более чем удача.

Ненавижу его! Ненавижу...

Содрогаясь от разъедающей души злости, шагаю в душ. Тот у меня спроектирован по последнему слову моды прямо в спальне. Чувствую на себе голодный взгляд и соблазнительно прохожусь руками по телу. Конечно, Молотову здесь ни черта не обломится, но какая стерва откажется от возможности напомнить бывшему, какую женщину он потерял?

Игорь снимает пиджак. Тянется к узлу на галстукке, явно надеясь ко мне присоединиться. Но я качаю головой, дескать, не смей. Несколько долгих секунд он смотрит на меня сквозь серебристые струи воды. Потом сникает и нерешительно опускает руки на бедра.

– Так что у тебя за спешка? – вышагиваю из поддона, на ходу отжимая волосы.

– Я уже сказал. Соскучился. В следующий раз предупреждай, когда надумаешь свинтить на месяц.

– А то что? Ты меня уволишь? – поигрываю я бровями.

– Ну ты и су-у-ука.

– У меня был крутой учитель.

Правда, крутой. Когда Молотов еще преподавал, к нему на курс хотели попасть абсолютно все. Умный. Красивый. Уже тогда богатый. На пафосной BMW. Девчонки по нему сохли пачками. А он почему-то обратил внимание на меня. Угловатую, тогда еще ужасно невзрачную. Выделяющуюся среди других его студенток разве что слишком бедным,

по меркам лучшего столичного вуза, прикидом. Да, собственно, чего уж греха таить, я тогда вообще не интересовала его как женщина. Вот созданная мной финансовая модель – другое дело. Разглядев мой потенциал, Игорь взял меня стажером в свой тогда еще небольшой офис. Так все у нас и началось...

Иногда я гадаю, как бы поступила, если бы знала, чем все закончится. Пошла бы за ним? Или нет.

– Одевайся, отвезу тебя.

– Да я и сама доеду.

– Блядь, Ясь, ты по каждому вопросу со мной будешь спорить? Ну, я же пытаюсь все исправить. Ты что, не видишь?!

Если честно, то нет. А если бы даже и видела – ни за что бы на это не повелась. С меня точно хватит. Эта история должна была давно закончиться.

Быстро одеваюсь. Прохожусь по волосам пальцами, разбирая густую гриву на пряди. Достаяю фен. Как я уже успела заметить, во время нашего знакомства с Молотовым я мало походила на королеву красоты. Ему я обязана даже тем, как сейчас выгляжу. Это Игорь пробудил во мне женственность и привил вкус во всем. Даже салон красоты, в который я и до сих пор заглядываю дважды в месяц, для меня нашел именно он. Молотов стал моим Пигмалионом. Он столько всего мне дал! И еще больше отнял. Но обо всем, наверное, по порядку...

– Пойдем все-таки выпьем кофе, – предлагаю я, выделяя

скулы румянами.

– Ну, пойдём.

В сонной утренней тишине надрывается кофемолка. Ставлю на стол две крошечных чашки. Наполняю негазированной водой стаканы. Даже кофе мы пьём по всем правилам.

– Как жена? Как дети?

Ну а что? О чём-то же надо говорить.

Молотов морщится. Время к нему благосклонно. На лице практически нет морщин. Волосы по-мальчишески густы и неизменно модно подстрижены. Он лишь поправился, став к своим сорока пяти большим, как гора. Но пиджаки ему по-прежнему идут.

– Я хочу развестись.

Моя ложка звякает о край блюда.

– От таких новостей лет десять назад я бы трусики обмочила от счастья.

Игорь раздраженно дергает головой. Когда я употребляю подобного рода словечки, ему тоже не нравится. Собственно, именно поэтому я все еще к ним прибегаю. Обожаю его бесить.

– Еще не поздно все переиграть. За это время многое изменилось.

– И что же?

– Мои дети выросли.

– Повезло. Было кому расти.

– Яся...

– Да пошел ты. Точнее... Пойдем, а? Кажется, за время отпуска у меня скопилась куча работы.

Я бодро хлопаю по столу ладонями и встаю.

– Яська. Ясенька... – Молотов опять распускает руки, а я опять их с себя стряхиваю.

– Так. Игорь, давай-ка, в последний раз. Когда я сказала, что между нами все кончено, я именно это и имела в виду. Если ты хочешь сохранить меня как специалиста в своей команде, завязывай с этой херней. Ну правда. Иначе я просто уволюсь.

– Зубы показываешь? – агрится Молотов. Только что дым из ушей не валит.

– Если они есть, почему бы не показать? – с достоинством встречаю его давящий взгляд, чтобы он ни на секунду не усомнился в том, что я не блефую. Простояв так достаточно долго, поворачиваюсь к комоду, на котором оставила сумочку. За руль мне сегодня и впрямь не хочется. Голова совсем ватная после долгого перелета. И если Игорь возжелал поработать моим извозчиком – да пожалуйста. Потерплю. Чай не в первый раз.

Едем молча. Молча поднимаемся в холл. Проходим к лифту. Игорь прикладывает свою карточку. Я разглядываю себя в зеркале. Одно время у меня было искушение начать ходить на работу в джинсах и футболках с дебильным принтом, чтобы его позлить. Но, во-первых, это мне не по ста-

тусу, а во-вторых, кажется, я действительно полюбила шелка и каблуки, в которые так любил меня наряжать Молотов. Отказываться от этих вещей лишь из чувства противоречия было глупо.

– Валюха, привет! – бодро приветствую свою правую руку.

– Батюшки, вы только поглядите! Явилась...

Валюха выбегает из-за стола и на радостях сжимает меня в медвежьих объятьях.

– Ты, что ли, похудела, пока меня не было? – добавляю в голос чуточку подозрительности и показательно прохожусь ладонями по отсутствующей талии подруги.

– Ой, да ну тебя! – отмахивается та. – Не заговаривай мне зубы.

– А чего мне их тебе заговаривать?

– Думаешь, я не видела, что тебя опять привез председатель ассоциации горных козлов? Стоило тебе от его сиськи оторваться, так он тут как тут, да?

– Дык какие у козлов сиськи, Валюха, – смеюсь я.

– Ты понимаешь, о чем я. – Воинственно подпирает бока.

– Ничего у меня с ним не было. Игорь пытался, конечно, опять ко мне подкатить, но я – кремень.

– И как надолго хватит твоей решимости?

– Навсегда. Кстати, ты уже присмотрела мне котеночка? – меняю тему.

– Так ты что, всерьез про заводчиков мне плела?

– А то.

Валюха жует губу. В принципе, мне известно, какие у нее могут быть возражения. Я сама очень долго не решалась завести какое-нибудь домашнее животное, потому что часто бываю в разъездах. Но кошка – это ведь не собака. Ей пожрать насыпь, горшок почисть, и порядок. Это, кстати, может делать моя домработница.

– Как ты смотришь на то, чтобы взять кота из приюта? Я подписана на несколько пабликов. Там такие хорошенькие хвостатики есть!

– Ну уж нет. Хватит, что я мужика за другой донашивала. Хоть кота мне можно найти без истории?

Валюха ржет так, что дрожат стены.

– А может, найдем тебе без истории мужика, а, Ясь?

– Куда на охоту пойдём? – делано оживляюсь. – В детский сад, м-м-м, что скажешь?

– Ну чего ты сразу все мои идеи на корню губишь? – обижается.

– Потому что мне тридцать один, Валь. Где я в своем возрасте найду свободного мужчину? Ты не представляешь даже, каких идиотов прибирают к рукам. Только представь, кто там остается неприбранным?

– Допустим, сейчас мужика найти – не проблема. Заведи себе страничку в приложении для знакомств и жди, когда кто-нибудь напишет.

– Валь, ты в своем уме? Где я, а где эти приложения. Меня не поймут.

– Так тебя никто ж не просит светить своими званиями и регалиями, – закатывает глаза подруга. – Даже фотку можно не ставить. Хотя так бы мы, конечно, быстрее тебя пристроили.

– Мечты-мечты... – вздыхаю я.

– Да почему мечты?! Ты себя в зеркале видела? Нет, говорю тебе, надо брать ситуацию в свои руки. Дай сюда!

– Что давать?

– Телефончик!

– Некогда мне ерундой страдать.

– Поэтому я и говорю – телефон гони. Я сама все сделаю в лучшем виде.

– А на аватарку свою фотку поставишь? – поддразниваю Валюху.

– Нет. Твою. Но так, чтобы без палева. Может, сиськи? В смысле, декольте.

– Обязательно. И мне будут писать одни извращенцы.

– Ну, тогда давай губы сфоткаем. Они у тебя красивые.

– Спасибо. У меня есть фото губ. Я когда помаду выбирала – фоткала, – говорю больше для того, чтобы Валюха поскорее от меня отцепилась.

– Значит, я тебя регистрирую, да?

– Ну, регистрируй, раз приспичило.

Перед тем, как уйти к себе, включаю кофемашину.

– Слушай, а какой установить радиус поиска, м-м-м?

– Три тысячи километров, – брякаю наобум.

– Ясь, ты сдурела?

– Почему это? Мне недавно в сети попались фото норвежских лесорубов, ох, и горячие парни!

– Не надоест в Норвегию летать, чтоб потрахаться?

– Вот еще. Пусть жених сам ко мне прилетает, – посмеиваясь, прячусь в своем кабинете. И сходу, забыв обо всем, погружаюсь в работу.

– Ну что, мать! – проникает в мой мозг. – Первый пошел.

– Ты о чем?

– Тебе написали! Отвечать будешь, нет?

Глава 2

– Прямо сейчас, что ли?

– Нет, блин, послезавтра.

– Ты видела, сколько у меня работы?

– Как говорила великая Мерлин Монро, карьера не согреет тебя в койке.

Громко цокаю языком. Валюха – как всегда. Ее конек – «цитаты» великих, которые она может извлечь из глубин памяти и вставить в абсолютно любой разговор. Даже интересно, какие из приписываемых им слов великие говорили на самом деле. Припоминаете ту знаменитую историю о Бараке и Мишель Обамах? Когда в ресторане к Мишель подошел владелец заведения и о чем-то долго с нею беседовал? По легенде после Барак спросил, дескать, что это был за тип? А Мишель пояснила, что в подростковые годы этот парень был в нее безумно влюблен. И тогда Барак пошутил, что если бы Мишель вышла замуж за того парня, сейчас бы была владелицей ресторана. На что Мишель иронично заметила: «Нет. Если бы я вышла за него замуж, он бы стал президентом». Так вот, примерно эту же историю я слышала о Черчилле, его жене и заправщике. Помнится, я потом еще долго размышляла над тем, как бы сложилась карьера Молотова, если бы мы с ним не встретились.

– Ладно. Давай уж. Кто там у нас?

– У тебя, – поправляет Валюха, возвращая мне телефон.

– Так-так. Его зовут Клим, и скорей всего он серийный убийца...

Рот Валюхи комично округляется.

– Да с чего ты это взяла?!

– Ну а какой нормальный мужик в его возрасте будет искать себе пару на сайте знакомств? Говорю тебе, с ним явно что-то не так.

– А ты напиши ему, напиши. И выясним.

Открываю переписку.

«Привет, Ясмин. Поболтаем?»

«Привет, Клим. Давай попробуем. У меня как раз созрел первый вопрос».

«Вот как? Я весь внимание».

«Ты – серийный убийца?»

Валюха охает. Подается ко мне всем телом в попытке отнять телефон, но уже поздно. Мое сообщение прочитано получателем.

– Ты совсем спятила, Яська?! Я ж для тебя стараюсь, а ты? Обязательно быть такой стервой, да? Хочешь помереть в окружении кошек?

Я смеюсь, откидываюсь в шикарном кресле, а ноги взгромождаю на стол. Чисто эстетически это очень красиво. Мои ноги на столе в остроносых туфлях на шпильке.

– Кстати, о кошках. Ты, наконец, связалась с заводчиком?

Валюха открывает рот, чтобы ответить, но тут тренькает

телефон, и мы, не сговариваясь, переводим взгляд на экран.

«Дай угадаю, что тебя натолкнуло на подобные мысли. Моя геолокация?» Смайлик.

«Сегодня вторник. Разгар рабочего дня. Логично, что все нормальные люди впахивают в поте лица. Значит, ты – ненормальный».

«С твоей логикой можно поспорить. Но я оценил то, как креативно ты мыслишь».

«А что не так с твоей геолокацией?» – строчу я, посмеиваясь.

«Она указывает на место, где концентрация убийц намного выше среднего по стране». Смайлик.

Чего?! Переглядываемся с Валюхой. Открываю указанные в геолокации координаты. Вожу ползунком. Но судя по всему, там есть только один объект.

– Валь, блядь, это колония! Мне пишет зэк!

– Батюшки-светы! Это точно? Тогда говори ему «чмоки в обе щеки» и бань. Сейчас же!

«Я тебя напугал?»

Нет! Ну какой – бань? У меня вон аж мурашки побежали по телу. Кайф. Вот и кто из нас ненормальный?

«Скорее заинтересовал».

– Ты совсем спятила, Яся?! Сумасшедшая! Смотри, тебе еще кто-то пишет. Лучше ответь ему!

– Ч-ч-ч! – шикаю на Валюху.

«И чем же»

«Своим нестандартным подходом. Я где-то читала, что ээки сначала втираются в доверие глупым женщинам, а только потом сознаются, что они на самом деле сидят».

«Выходит, твоя взяла. Я ненормальный. Ненормальный ээк. А ты кто?»

– Валюх, давай, возвращайся к себе. Переписка – вещь довольно интимная. Дальше я как-нибудь сама справлюсь, ага?

Подгоняя упирающуюся помощницу к выходу, энергично машу руками.

«Глупый вопрос».

«Почему?»

«Потому что я могу придумать про себя что угодно. И ты никогда не сможешь проверить мои слова».

«Да, но по этой же причине ты можешь быть со мной откровенной».

Я висну, осознавая, что если так разобраться, он прав. А я не помню, когда в последний раз была честна даже сама с собою. Все строю что-то из себя, строю. Все кому-то подыгрываю. И что-то доказываю.

«Да, наверное».

«Можем начать с малого. Чем ты занимаешься прямо сейчас? Я, вот, смотрю на дождь».

На дождь? На дождь, он серьезно? Растерянно пробегаюсь пальцами по волосам. Написать, что обычно я ни дождя, ни света белого не вижу? Он же хотел правду! Да только всю малину портит тот факт, что я буквально вчера верну-

лась из отпуска. А на Бали хоть и закончился сезон дождей, несколько раз лило – мама дорогая...

«Я – самый обычный офисный клерк, которому пора бы вернуться к работе. До связи».

Выпадаю в офлайн, не давая себе передумать. Общение с Климом вызывает во мне довольно противоречивые чувства. С одной стороны, я понимаю, что оно меня ни к чему не обязывает. И сам факт того, что я могу в любой момент свернуть нашу переписку, здорово развязывает язык. С другой – наш странный диалог оставляет после себя какое-то странное горчащее послевкусие. Подсвечивает те мысли, которые я старательно задвигаю в тень уже очень долго.

Заставляю себя вернуться к экранам. Сосредотачиваюсь на цифрах и графиках. Говоря об отпуске, я, конечно, лукавлю. Я не могу выпасть из обоймы даже на день. Как специалисту, мне нужно постоянно держать руку на пульсе событий. Где бы я не была, чем бы не занималась, краем сознания я все равно фиксирую контекст, отслеживаю новости и другие события, которые в теории могут повлиять на рынки. К счастью, или к сожалению, я делаю ту работу, у которой нет ни конца ни края.

Спустя пару часов в приоткрытую дверь моего кабинета просовывается лохматая голова Валюхи:

– Ты на обед идешь, или сыта лапшой, что тебе зэк навесил?

– Выключай ехидну. Мы с ним свернули общение, сразу

после того как я выпроводила тебя.

– По чьей инициативе? – подозрительно сощуривается Валюха.

– По моей. Так что? Давай в Семифреддо? Чего на Бали нет – так это достойной пасты.

– Неужели туда не доехали итальяшки?

– Может, и доехали. Но ведь не все итальянцы умеют готовить пасту.

– Ой, не знаю, не знаю.

– Ты мыслишь стереотипно. С таким же успехом я могла бы сделать вывод о том, что раз ты из деревни родом, то непременно умеешь доить корову.

– Так я и умею. Делов-то.

Резко торможу. Оборачиваюсь, недоверчиво глядя на Валюху, которая чуть не налетает на меня по инерции.

– Капец. Серьезно?

– Вот те крест. Хочешь, научу?

– Пока такой необходимости нет, но если что, буду иметь в виду, – смеюсь я, утыкаясь лбом в по-деревенски пышный бюст помощницы. Все же Валюха удивительная женщина. Шесть лет она живет в столице. И, конечно, при желании за это время такая умница, как она, запросто могла бы отточить свои манеры до того уровня, при котором местные снобы перестали бы воротить от нее носы. Но уникальность Валюхи как раз в том и состоит, что ей плевать на снобов. Она такая, как есть. А если она такой кому-то не нравится,

то это их проблемы.

– Я у коровы даже как-то роды принимала.

Ну, что тут скажешь? Я опять смеюсь.

Пообедать решаем на веранде. Мы с Валюхой не привязаны к времени перерыва и обычно приходим, когда основной наплыв гостей спадает.

– Я, наверное, буду равиоли и... Ой, бля! Ты только не вздумай оглянуться.

– А что там? – удивляюсь я.

– Там жена Молотова. Твою мать, Ясь, она, походу, топает к нам.

– Ты же шутишь, да? – каменею, чувствуя спинным мозгом чужой ненавидящий взгляд.

– Если бы. Не знаешь, что ей надо? – бормочет Валюха, делая вид, что мы обсуждаем меню.

– Понятия не имею. – Перевожу взгляд на официанта. – Мне к пасте – бокал вина. Нет, пожалуй, давайте бутылку.

– Ясмин...

Голос у нее мерзкий. Ну, или я предвзята. Интересно, чего ей понадобилось спустя столько лет? Не будет же она устраивать мне сцены? Теперь-то, когда мы совершенно точно расстались с Игорем, в этом нет никакого смысла.

– Да?

Я страшно довольна тем, как ровно звучит мой голос. В нем нет абсолютно никаких красок. И если бы не легкое удивление, меня можно было бы упрекнуть в наигранности.

А так – просто перфекто.

– Мы могли бы поговорить?

– Не уверена, что у нас есть общие темы для беседы.

– Есть, – цедит сквозь зубы. – Поверь мне.

Если так... Перевожу взгляд на Валюху.

– Я отлучусь пописать.

Губы Ларисы брезгливо поджимаются. Моя помощница одаривает ее невинным взглядом. Прячу улыбку за стаканом с водой. Валюху многие недооценивают из-за ее эксцентричности. А зря. У нее светлая голова и бульдожья хватка.

Жена Игоря занимает место напротив, вцепившись в меня острым, как скальпель, взглядом.

– И что он в тебе нашел? Ну, ведь каких только у него не было... Ты даже не самая красивая. Далеко не самая...

– Что ж вы у меня спрашиваете? – удивляюсь, чтобы не показать, как меня задело не то даже, что я не самая красивая, о нет... А то, что жена Молотова в курсе – в чем-то мы с ней очень даже очень похожи. И совершенно точно одинаково несчастны. – Поинтересуйтесь у первоисточника. У вас ко мне все?

– Зачем он тебе? Ты молодая. Богатая. А он... Ты знаешь, какой он.

– Вы что-то путаете, Лариса. Нас с Игорем уже давно ничего не связывает. Боюсь, если у вас опять возникли какие-то подозрения, вы пришли не по адресу.

– Не ври мне! – визжит она. – Никакая другая не застави-

ла бы его подать на развод!

Пульс в ушах стучит так часто, что, кажется, звук сливается. Это почти сирена.

– Опять соврала, что залетела? Думаешь, если этот номер прокатил один раз, то и второй прокатит?

К горлу подкатывает желчь. О чем она, мать его, толкует? Какой «один раз»? Какой «прокатил»?

– Лариса, я вас не понимаю. Как я уже сказала, мы с Игорем давно не вместе.

Я смело встречаю ее змеиный взгляд. Лариса – моя полная противоположность. И дело не в том, что она меня намного старше. Я длинноволосая брюнетка, она – стриженная блондинка. Мой папа – казах. Она – чистокровная славянка. Я – невысокая. Она – модельного роста. И так далее. Если отталкиваться от мысли, что у каждого человека есть какой-то предпочтительный типаж, то типаж Молотова для меня остается загадкой. Не удивлюсь, если ему вообще все равно, кого трахать.

– Не верю... – шепчет Лариса. – Баб у Игоря всегда было много. Но уходил он лишь однажды. Когда ты соврала, что залетела.

Я не врала. И к тому же, что значит – уходил? К кому? Уж точно не ко мне. Будь так, моя жизнь сложилась бы совершенно иначе.

– Ваше дело. Но мне к сказанному добавить нечего.

Я утыкаюсь в меню. Несколько мгновений спустя Лариса

сгребает сумочку и уходит, громко цокая по полу каблучками. А еще через минуту за стол возвращается Валюха.

– Ну?! Чего от тебя эта гримза хотела?

– Требовала, чтобы я оставила Молотова в покое. Он, похоже, опять пугает ее разводом.

– Вот это поворот. И? Что ты теперь будешь делать?

Мы замолкаем, прерванные появлением официанта. Терпеливо ждем, когда он разольет вино.

– А что я буду делать? – хватаю бокал. – Ничего. Мы расстались.

– Я подумала, что раз он теперь вроде как свободен, то...

– Ты неправильно подумала.

Настроение безвозвратно испорчено. В ушах раскатистым громом прокатываются слова Ларисы о том, что Молотов от нее уходил. Во как... А я не знала. И теперь, когда это уже вообще ничего не решает, я поневоле гадаю, какой в этом был смысл, если он один черт отправил меня на аборт?

– Извини.

– Проехали, Валь. Не хочу об этом.

Но уже поздно. День безвозвратно испорчен. Не радует даже вино. И цифры не спасают. Что толку сидеть в офисе?

– Валюх, если кто-то будет искать, я уехала.

– Составить тебе компанию? Прогуляемся по набережной, м-м-м? Или на велике погоняем.

– Нет, я спать завалюсь пораньше.

Дома на столе, как назло, две чашки. Убираю их в посудо-

мойку. Руки чешутся позвонить, пожаловаться. Или... Нет, не так. Потребовать объяснить! Но ведь я обещала себе перелистнуть эту страницу. Так какого черта?!

Гипнотизирую экран телефона. Глаз цепляется за непривычную взгляду иконку. Ах да. Приложение для знакомств. Как будто мне мало подтверждений собственной ничтожности. Касаюсь значка пальцем, чтобы к чертям его удалить, а оно, наоборот, открывается. Бездумно скролю ленту. Смешно, но мне даже извращенцы не пишут. В непрочитанных висит лишь одно сообщение от уже знакомого мне по утренней переписке зэка.

«И чем занимается обычный офисный клерк?»

«Извини, Клим. Не выйдет у нас общения. Я даже не знаю, зачем вообще его начала».

«А я знаю. Хочешь, расскажу?»

Глава 3

Усмехаюсь. Не спеша отвечать, открываю холодильник для вина. Выбираю наобум бутылку, нахожу штопор и выливаю в пузатый бокал сразу половину. В холодильнике обычно стараниями домработницы полно еды. Игнорируя жаровенку и кастрюлю, я нарезаю сыр и открываю банку оливок.

Интересно ли мне, что он напишет? Не то чтобы очень. Просто у меня нет другой компании на этот вечер.

Даже котенка нет.

«Ну, попробуй».

«Думаю, ты запуталась. Как-то потерялась по жизни. У тебя все вроде бы есть: карьера, достаток, красивая квартира в центре, тачка, о которой мечтала, но удовольствия это больше не приносит. Предположу, что вокруг тебя вьется куча мужиков, но тот самый тебе так и не встретился. Ты популярна. Востребована. Тебя повсюду зовут, и тебе рады в любой тусовке, но когда тебе, вот как сейчас, херово – идти тебе некуда. И некому пожаловаться. Люди, которых ты давно переросла, уверены, что ты просто бесишься с жиру, а те, на кого равняешься – тупо не приемлют нытья. Подражая им, ты стараешься быть сильной. Так что общение на сайте знакомств для тебя – редкая возможность снять маску. Могу продолжить, но, боюсь, я сказал даже больше, чем ты готова была услышать».

Это еще мягко сказано!

Присосавшись к бокалу, встаю. В панике отбрасываю телефон. Но тут же подхватываю его снова, неосторожно проливая вино на светлый диван. Да чтоб тебя! Пулей несусь за тряпкой. Отмывая пятно, вновь и вновь отвлекаюсь на сообщение. Если бы я не знала, что это совершенно невозможно, подумала бы, что за мной снова следят. Как тогда, когда я пыталась уйти от Молотова, и он нанял каких-то людей, которые откровенно меня преследовали. Вот только кто мог знать, что я скачаю приложение для знакомств, если я даже сама об этом не думала? Никто. И уж тем более никто не мог так быстро отследить мой профиль, чтобы попытаться втереться в доверие. Значит, зэк бьет наобум? Скорее всего. Наверное, мы все очень похожи в своем одиночестве. Одно непонятно...

«У меня вопрос. С чего ты решил, что я вся такая успешная да богатая?»

«Ты работаешь в офисе, стоимость аренды которого кусается даже по меркам столицы. Ну и квартирка у тебя в весьма непростом районе».

Я холодею. Что. За. Херня?!

«Откуда ты знаешь?»

«Не тупи. Ясмин. Я вижу твою геолокацию».

Фух! У меня от облегчения подкашиваются ноги. Наверное, я все-таки херовый аналитик, если не сопоставила настолько очевидные факты.

«В том офисе я подрабатываю уборщицей. Получаю три копейки, поэтому совмещаю с работой домработницы в этой квартире».

«Ну, окей. Если тебе так будет проще, сделаю вид, что поверил. А в остальном?».

Зарываюсь пальцами в волосы. В остальном он меня взбесил! Выливаю остатки вина в бокал. Видели бы ценители, как я его хлещу без ума, отобрали бы.

«В остальном ты тоже ошибся».

«Давай по пунктам».

«Ну, давай. Что там у нас дальше? Ага. Мужики. Спешу тебя разочаровать. «Тот самый» мне встретился практически сразу же. Он был моим первым мужчиной».

«А почему вы расстались?»

«А почему ты решил, что мы расстались? Только потому, что я зарегистрировалась на сайте знакомств? Ха!»

«Нет. Потому что ты написала «первый». Это подразумевает, что потом был кто-то еще».

Был? Был. Много было...

С тем, что Молотов женат, я, молоденькая глупышка, еще как-то мирилась. Ну а что мне было делать? Влюбилась я в него просто смертельно. А Игорь... Игорь, хоть и сам ко мне подкатил, ничего обещать не стал. Напротив, отчетливо дал понять, что разводиться ни при каких обстоятельствах не станет. И то, что я не придавала тогда этим словам значения – целиком и полностью моя вина. Хочется верить,

что меня оправдывает тот факт, что все решения касательно нашей связи я принимала в острой фазе влюбленности, которая совершенно не способствует ясности мышления. Я была на седьмом небе от счастья просто от того, что Игорь обратил на меня внимание.

Молотов – офигенный любовник. Мы трахались с ним как кролики. В машине по дороге на какую-нибудь важную встречу и в офисе, в снятой для меня на скорую руку однушке и в туалете ресторана, не имея сил дотерпеть до дома. Похоть затапливала нас и долгое время отодвигала на второй план все другие желания и потребности. Просто побыть вдвоем. Поужинать под выбранный вместе фильм. Лечь и просто поспать, чтобы, открыв глаза утром, первым делом увидеть его, такого любимого и родного. Все это стало для меня жизненно важным чуть позже.

И тогда я довольно долго, сцепив зубы, терпела. Потом стала требовать, чтобы он сделал выбор. А еще спустя какое-то время я поняла, что выбор этот гораздо обширнее, чем можно было представить. Ведь имея жену и любовницу, Молотов не чурался и единичных связей. В первый раз я застала его прямо в кабинете. Он трахался с женой своего тогдашнего партнёра.

Бабы липли к нему, как мотыльки – к одинокому фонарю. И мне ли было их упрекать?

После того случая я ушла от Игоря в первый раз. Тогда же со мной случился второй мужчина. А потом, практически

один за другим, третий и четвертый. Не спешите меня осуждать. Я заглушала боль, как умела. Ведь казалось, я сдохну, если хоть к кому-нибудь не прибьюсь. Внутри меня ничего не осталось. Мне было все равно, кем заполнять эту пустоту.

А еще я помешалась на желании отомстить. Растоптать его. Уничтожить. Причинить столько боли, сколько мне будет по силам. Ну, или, по крайней мере, доказать, что мне и без него прекрасно. Что я счастлива и востребована мужиками не хуже. Поэтому я соблазнила нашего самого денежного клиента и подстроила так, что Игорь это увидел.

«Я затронул болезную тему? Прости. Не хотел».

Да плевать. Я встаю, удивляясь тому, что успела так захмелеть.

«Фигня. От мужиков ничего хорошего ждать не приходится в принципе».

«А вот не скажи».

«Мужчины не умеют ценить то, что у них есть. Это аксиома».

«Если бы у меня была любимая женщина, я бы ее ценил».

«Дай угадаю. Это такой красивый переход к тому, чтобы начать меня разводить? Чего там у вас, у зэков, в чести? Заварка?»

«Вообще-то сигареты. Но я не курю. Поэтому мне ничего от тебя не надо. Кроме общения».

«Это хорошо. Ведь с меня совершенно точно нечего взять».

«Ты напилась?»

«С чего ты взял?»

«Ты стала писать с ошибками». Смайлик.

Гребаный экстрасенс.

«Я трезва, как стеклышко. И вообще. Сколько можно говорить обо мне? Я спать».

Понимаю, что до спальни попросту не дойду, нащупываю плед и укладываюсь на диване. Стоит голове коснуться подушки, как телефон начинает звонить.

– Алло...

– Яська, привет. Я тут на подъезде к тебе. Ты ж дома, мама говорила, пустишь переночевать?

– Вы что, опять со Светкой поругались? – я не без усилия принимаю вертикальное положение, понимая, что в противном случае меня вырубят, и тогда хрен кто меня разбудит. Даже брат.

– Долгая история. Так я поднимаюсь?

– Куда тебя деть? – бурчу я. – Валяй.

– Может, купить чего-нибудь?

– У меня все есть. Просто поднимайся.

Зэк ошибся в том, что мне некуда податься. У меня есть Валюха. Есть семья – мама, брат с женой, двое племянников. Если углубляться в дебри психоанализа, мне можно предъявить лишь то, что она неполная. Например, мой психолог абсолютно уверена, что на неустроенность моей личной жизни как-то повлиял уход отца сразу после моего рождения.

Но никаких доказательств этому лично у меня нет. Возможно, я просто дура, которую жизнь ничему не учит.

Умываюсь, воспользовавшись кухонным краном, чтобы немного прийти в себя. Наконец, в дверь звонят. Я без задней мысли открываю, ожидая увидеть брата, но на пороге опять стоит Молотов.

– Что-то ты ко мне зачастил.

– Дай пройти.

– И не подумаю. Я вообще другого ждала...

Игорь звереет. Может, он правда что-то понял на старости лет. Ведь раньше, будучи до тошноты самоуверенным, он не особенно-то велся на мои провокации.

– Меня! Она ждала меня, – усмехается Адиль, появляясь в поле зрения. – Привет, Игорь. Вот так встреча.

– Ну, наконец-то. Проходи, – отхожу, пропуская брата. Молотов идет за ним. – А ты стой!

– Ясь, ну ты чего мужика бортуешь? Во бабы пошли, а...

– Бабы пошли? – не верю своим ушам. – И почему я не удивляюсь, что ты его защищаешь? Ты такой же кобель. Тебя Светка поэтому выставила?

Понимая, что противиться визиту Молотова – себе дороже, я решаю его игнорировать.

– Светка меня к каждому столбу ревнует, – брат недовольно на меня зыркает. – Не баба, а бензопила.

– Так ты бы ей повода не давал – она бы тебя не пилила.

– Слушай, Ясь, ну кто бы говорил. Сама, что ли, святая?

Думаешь, легко с одним человеком двадцать лет прожить?

– Конечно, нет. Проще, конечно, при малейшей ссоре на сторону бегать!

Адиль морщится. Проводит пятерней по волосам. Красивый он у меня. Сорок один год, а как мальчик. Тонкий, статный. Смазливый до безобразия. Я Светкину ревность могу понять.

– Игорь, хоть ты угомони эту пьянь воинствующую. И так херово, а тут она еще.

– Бедный-несчастный! – ерничаю я.

– Я спать, – гасит скандал одним словом братец. А у меня в кармане опять оживает телефон.

– Если Светка – шли ее лесом.

– Сашка.

– Сын тоже предатель. Всегда на ее стороне.

– Да ты что? – ощериваюсь я. – А на чьей стороне ему быть? На стороне отца-кобеля?!

Иногда мне кажется, что измены повсюду. Я бегу от собственных, меня догоняют чужие. Мы будто в круговороте, где уже все друг с другом перетрахались и друг друга предали. Все врут, все изменяют. Любовь живет в лучшем случае три года... Все бессмысленно, как ни старайся, и непонятно вообще зачем.

– Ой, все! – Адиль закатывает глаза и заваливается в гостиной на диван. Я подношу телефон к уху, исподтишка наблюдая за Молотовым. Он переоделся. Значит, все-таки за-

езжал домой, или...

– Санька, привет!

– Привет, Ясь. Батя у тебя?

– Ну а где ему еще быть? – вздыхаю. – Тебя мать просила узнать?

– А то кто ж. Волнуется. Он-то на ночь глядя умчался. Как они меня задрали, ты не представляешь, – вздыхает племянник. – Развелись бы уже и не мучились. Молодые ж ведь совсем, устроили бы как-то жизнь.

Саньке двадцать один. Он родился, когда Адилю со Светкой было всего по двадцать. Сашка нетипично мудрый для своего возраста, настоящий мужик. Меня это удивляет, особенно потому, что его родители довольно инфантильные люди. А Саша рассуждает так разумно, что просто заслушаться. Вот только, пожив подольше, понимаешь, что чересчур идеалистично. Развестись-то, конечно, можно. И даже устроить жизнь заново. Да только с вероятностью в девяносто девять процентов через какое-то время все опять пойдет по пизде, эмоции схлопнутся, быт зажрет, захочется чего-нибудь новенького, и финал будет точно таким же, как и в предыдущем случае. Так стоит ли рыпаться? Трепыхаться. Надеяться. Влюбляться. Доверять. Начинать все заново. Становиться вновь уязвимым. Стоит ли?

– Ты это своим родителям скажи, а не мне, – широко зеваю.

– Не хочу. Я вообще подумываю о том, чтобы от них съе-

хать.

– А деньги на съем где брать будешь? Хоть окончания университета дождись, – возмущаюсь я.

– И кто мне это говорит? Ты сама во сколько лет из-под родительской опеки сбежала?

– В восемнадцать. Но вопрос поставлен неверно. Лучше спроси, много ли счастья это мне принесло.

Молотов зыркает на меня из-под лба. Сидя на стуле, он напоминает гору. Нет... Определённо. Даже если Игорь разведется, вместе нас не ждет ничего хорошего. Он – ходячее напоминание обо всех тех ошибках, которые мне давно следует отпустить.

– Эх. Ну ладно. Тут мать пришла...

– Привет ей передавай. До скорого.

Откладываю телефон. Тру виски, в которых начинает пульсировать тупая похмельная боль. Может, и хорошо, что Адиль явился. Молотов не станет клепать мне мозги при брате.

– Я пьяная и уставшая. Говори, что хотел, и топай.

– Мне тут сорока на хвосте принесла, что вы говорили с Ларисой.

– Не по моей инициативе, – поясняю я, настороженно подобравшись.

– Я так и понял.

– Тогда что же ты хочешь от меня? – удивляюсь. Лет десять назад, помнится, Игорь страшно взбесился, когда я

в пылу скандала пригрозила рассказать Ларисе о нашей связи. Схватил меня за руку, прорычал, что готов напомнить, где мое место, если я вдруг забыла.

– Я хочу сказать, что она больше никогда тебя не побеспокоит. Я с ней поговорил. Мы все решили.

Отворачиваюсь. В груди печет. Так странно, ведь ничего там не осталось – выжженная пустыня. А вот ведь, словно фантомная боль, отголоском. Раньше я бы полжизни отдала, чтобы он меня, а не ее выбрал.

Ладно. Пустое. Теперь главное – выяснить вот что:

– Лариса сказала мне странную вещь...

– Это какую же?

– Что ты уже от нее уходил.

– Было дело. Когда ты забеременела, я...

– Настоял на аборте.

– А потом передумал. Но было уже поздно, Ясмин.

Глава 4

Это что? Какая-то новая тактика? Раньше все было понятно. Он – мудака. Я – сука. Два сапога пара. А теперь что?

Передумал он. Передумал, мать его. И? Он так на меня перекладывает ответственность? Ну, я ж передумал, блядь. Значит, я тут вообще ни при чем.

Я не соучастник.

Детоубийства.

Я хороший. И как тут поспорить? Никак. На фоне детоубийцы любой другой человек – ангел с крыльями. А значит, все, что было потом – все мои срывы, все вписки, на которых я пыталась забыться, все мои лютые запилы и пьяные истерики, все мои обвинения в его адрес – полная херня. И то, что Молотов их терпел, прощал, возвращал меня каждый раз, один – даже с того света – такой изощренный способ поддержки, да? Это типа он мне плечо подставил? Ну, вроде как, жги, Ясмин, если тебе так легче. Я все стерплю. Я ж ангел. Твой ангел. Разве я на него не похож?

Сука-сука-сука...

– Эй! Яся...

Дергаю башкой – не смей!

Опять открываю холодильник. Беру, не глядя, бутылку. Откупориваю.

– Ну зачем ты? И так ведь достаточно выпила.

– Игорь, ты домой иди, ага? Уже поздно.

Бокалы – на хрен. Отпиваю прямо из горла. Неуклюже покачиваясь на цыпочках, прохожу через гостиную к лестнице.

– Ясь, – слышу напряженный голос Адила, – систер, ты как, путем?

Он что, все слышал? Для полного счастья мне только этого и не хватало.

– Ага. Заебись.

Держась за перила, шагаю вверх по лестнице. Помнится, дизайнер предлагал установить здесь парящую – такую, знаете, вообще без перил, «чтобы не утяжелять пространство». А я как представила себя, карабкающуюся по этой сомнительной конструкции пьяной, так сразу и отмела эту идею. Пусть выпилиться мне в то время хотелось частенько, падение с лестницы – не самый очевидный способ сдохнуть. Можно отделаться сломанным позвоночником, или проломить череп, навсегда оставшись инвалидом. Оно мне надо? Если я решу, что с меня достаточно – просто вышагну в окно. На работе сороковой этаж. Дома пониже, конечно, но тоже высоты хватит.

Иногда я подолгу, да, стою возле окон...

Укладываюсь на постель. Шелковые простыни холодят тело. Почему шелковые? Я вообще-то предпочитаю египетский лен. Надо спросить у домработницы, чего это она мне выстлала ложе шелками.

Отпиваю из бутылки вина. На старые дрожжи меня страш-

но сушит, и пить хочется постоянно. Щелкаю пультом. Думаете, что делают симпатичные инвестиционные аналитики, когда напиваются? Просматривают биржевые сводки? Или свежий обзор парижского показа нашумевшего модного бренда? Не-а. Я смотрю канал про рыбалку на Сахалине в Ютубе. Щелкаю пультом, выбирая ролик по заголовкам.

«Горы селедочной икры на побережье».

А можно что-нибудь не про размножение?

«Первый лед. Прет крупный краб».

Великолепно. Мне подходит. Обожаю крабов. Если их правильно приготовить, то м-м-м...

«Но было уже поздно, Ясмин»... Так, кажется, он сказал? А почему поздно? Потому что он даже на аборт со мной не пошел.

Ну, а что, ты сама таблетку не выпьешь, Яся?

Срок был маленький, да. Все довольно просто решалось.

Вино терпкое, выдержанное, густое. Цветом напоминает кровь. Или мне так спьяну кажется. Спьяну вообще все видится нам иначе. Потому мы и пьем.

Жена Молотова безбожно врет. То есть, конечно, может, она в это действительно верит (Игорь тогда тоже был уверен, что я залетела специально), но в действительности беременность стала для меня полной неожиданностью. Не скажу, что неприятной, ведь ребенок, как я ошибочно думала, давал нашим с Игорем отношениям шанс, но все же неожиданностью. А вот Молотов отреагировал так, как я и пред-

положить не могла.

Как сейчас помню этот день. Мне двадцать пять. Мы с Игорем уже почти шесть лет вместе. За это время было много всякого. Скандалы, и даже драки... Вы же не думали, что он спустил мне с рук то шоу, что я для него устроила в конференцзале? О, нет. Это был бы не Игорь. А Игорь дождался, когда наш клиент уедет, и закатил мне безобразный скандал. Я не осталась в долгу. Вспомнила ему все, обозвала, набросилась. А он, чтобы меня осадить, вlepил мне такую пощечину, что я упала. И сам, кажется, испугался. В общем, рассказав ему о своей беременности, я была готова ко всему. Но не к холоду... Вымораживающему все живое арктическому холоду.

– И? Зачем ты мне это рассказываешь?

– Ну как? Это же твой ребенок.

– Я говорил, что хочу от тебя детей?

– Нет... – теряюсь.

– Тогда ты знаешь, что делать.

– Но как же так, Игорь? Он ведь живой. Он – ты и я.

Мы вместе.

– Пока это просто несколько беспорядочно делящихся клеток. Советую тебе не затягивать с принятием решения.

– А иначе что?!

– Лучше тебе этого не знать.

Он посмотрел на меня так, что у меня по коже пошел мороз. Хотя... Господи, я знала, каким Игорь может быть же-

стоким. Хотела бы я сказать, что моя борьба за ребенка была долгой. Но это не так. Мне хватило нескольких дней, чтобы решиться. Нет, одного мига. Я шла по подземному паркингу, когда в глаза ударил яркий свет фар. Приставив ладонь козырьком ко лбу, я вскинула голову и, даже наполовину ослепленная, узнала его. Молотов ничего не делал. И ничего не говорил. Он просто газовал вхолостую, сидя за рулем своего BMW. А у меня перед глазами пролетали ужасающие картинки – его тачка срывается с места, удар, я перелетаю через капот... Мог ли он «помочь» мне избавиться от ребенка вот так? Я не была уверена. Но я точно знала, что он найдет способ. Подозреваю, что я сделала это сама, лишь бы оставить себе крохотную надежду на то, что Молотов бы нас пощадил. Тогда мне очень сильно была нужна надежда. Когда нет веры, нужно хоть что-то, правда?

Заливаясь слезами, прикладываю к губам горлышко. Однозначно, Ютьюб не смог меня отвлечь. А значит, что? Значит, спать... Тянусь к телефону чтобы проверить время, но зачем-то открываю приложение для знакомств.

«Спокойной ночи. Много не пей».

Истерично смеюсь и, не глядя на время, строчу:

«Поздно».

А следом:

«И все же мужики – мудаки. Нет. Мудищи. Ненавижу.

Лучше бы мы почковались, правда».

На ответ я вообще не надеюсь. Это просто крик души

в никуда. К тому же уже достаточно поздно. Особенно у него. Там же какие-то свои часовые пояса... О которых я, жуткая эгоистка, почему-то вспомнила лишь теперь. Но Клим отвечает:

«Деление – далеко не самая лучшая стратегия с точки зрения выживания вида. Залог процветания популяции – ее биологическое разнообразие. Мамины гены + папины = новый уникальный представитель».

«Вам в тюрьме лекции читают, или ты всегда был таким умным?»

«А ты всегда такая ехидна, или только когда напьешься?»

«Всегда. Даже не сомневайся».

«Твой план не удался».

Я шмыгаю потекшим носом. Кажется, я вконец опьянела и теперь никак не могу сосредоточиться на разговоре.

«Какой план?»

«Меня спугнуть».

«И что это означает?»

«Что-что... Жги. У тебя еще остались какие-нибудь претензии?»

«К кому?» – продолжаю тупить.

«Видимо, ко всему мужскому племени».

«А тебе это зачем? Ты что – мазохист?»

«Вот уж нет. Но узнав твои претензии к мужчинам, я смогу не повторить их ошибок».

От переписки меня отвлекает доносящийся снизу шум.

Я кое-как слезаю с кровати. Пьяная в сопли, добираюсь до двери. Прислушиваюсь...

– Дай пройти. – Голос Молотова.

– Нет, Игорь. Не думаю, что Яське это сейчас нужно.

– Мы сами разберемся. Ты-то какого черта лезешь?

– На правах старшего брата. Знаешь, я-то как думал?

Она взрослая, ты взрослый, жизнь – сложная штука, как-то да разберетесь. Но сегодня всплыли такие подробности, что я понял, как был неправ. Яську от тебя, Игорь, спасти надо было.

– Уж чья бы корова мычала.

– А что я? Я, Игореш, баб на аборт не отправлял.

Так что... Вали-ка ты подобру-поздорову.

– Ты гляди – как запел!

– Ага. Закончилась моя лояльность.

– Не боишься, что я тебя сживу со свету за такое?

– Интересный ты мужик. Сам не смог ее уберечь, и мне помешать пытаешься? Это и есть твоя любовь?

Молотов молчит. Следом его шаги слышу, и как хлопает дверь. Ушел, значит. Хочется спуститься вниз и крепко-крепко обнять брата. Но я, пьяная, все-таки трезво оцениваю свои силы. Мне бы хоть до кровати добраться.

Эх, какой же у меня все-таки брат! Гад, конечно, но такой... хороший. Захлебываясь крокодильими слезами, беру телефон, чтобы ему написать «спасибо», но перед глазами опять разворачивается моя переписка с зэком.

Это все, что я помню, когда просыпаюсь утром. Ой, мамочки. Голова! С губ срывается стон.

– Таблетки на тумбочке, – слышу тихий голос Адила. Мой же, напротив, звучит хрипло и надломленно:

– Спасибо.

– Пей обезболы, дуй в душ и спускайся, будем завтракать.

– Шутишь?

– Пожрешь – станет лучше. Давай, Яська. Слушайся старших.

– Ты мне еще похмелиться предложи.

– Это тоже можно.

Смех Адила становится все тише по мере того, как он отдаляется. Я со стоном переворачиваюсь на спину. Ну что ж. По крайней мере, меня не тошнит. Сколько я спала? Беру телефон, и только тут что-то в голове щелкает. Твою ж мать! Твою ж мать... Трясущимися руками прокручиваю нашу переписку к началу. Я ж не могла ему рассказать? Ну не могла же! Кому вообще нужна печальная история моей жизни?

«...У тебя еще остались какие-нибудь претензии?»

«К кому?»

«Видимо, ко всему мужскому племени».

«А тебе это зачем? Ты что – мазохист?»

«Вот уж нет. Но узнав твои претензии к мужчинам, я смогу не повторить их ошибок», – так-так-так, это я еще помню, а вот дальше...

«Вряд ли у тебя будет шанс отправить меня на аборт».

Ч-черт! Я говорила, что меня не тошнит? Забудьте. Муть поднимается изнутри и наполняет горло.

«Блядь. Ты шутишь?»

«Нет».

«Ясмин, если кто-то отправляет тебя на аборт, гони его в шею. И, пожалуйста, детка, больше не пей».

«Поздно. Это давно было».

«А сейчас что?»

«Да ничего. Пришел, вот, говорит – от жены ушел. Просит вернуться».

«А ты?»

«А я с тобой переписываюсь».

«Вот и правильно. А его в шею гони. Вот прям соберись с силами и гони. Этот мудака явно тебя не стоит».

Не то чтобы я этого не понимала. Но мне ужасно понравилось, как это звучит в чужих устах. Неожиданно нравится. Я зажмуриваюсь и повторяю про себя несколько раз разными голосами: «Этот мудака тебя не стоит». Звучит? А то! Но ведь...

«Он говорит, что передумал, но было поздно. Я приняла таблетку. И все».

«Ясмин, ты же умная женщина, да? Ты не можешь не понимать, что сейчас он будет говорить что угодно, лишь бы удержать тебя на поводке».

Затуманенный алкоголем мозг функционирует медленно-медленно. Мне приходится по несколько раз перечиты-

вать, что он пишет, прежде чем до меня доходит смысл его слов.

«Близкие меня зовут Ясей», – считаю нужным сообщить я.

«Не верь ему, Яся».

«А я уже никому не верю».

«Это ты зря. Не все такие, как твой бывший».

«Все. В моем окружении – все. Представляешь?»

«Значит, тебя окружают херовые люди».

«Ха! Кто бы говорил. А у тебя в окружении, стало быть, сплошные ангелы?»

«Ты сама знаешь ответ – нет. Далеко нет. Но мы существуем по понятным правилам. Здесь все по-честному».

«Ух ты! Так, может, мне в тюрьму сесть?»

«Лучше спать ложись, глупая. Утро вечера мудреней».

«Эй! Я вообще-то гений, чтоб ты знал».

«Вот как?»

«Угу. Гений прогнозов. А ты кто?»

«Я – отбывающий наказание правдолюб».

«Тогда скажи мне напоследок что-нибудь хорошее и правдивое».

«У тебя красивые губы».

И снова я туплю. Губы-то тут при чем? Потом только понимаю, что на фото в профиле только и видны, что мои губы, подбородок и ушко, за которое я заправляю пальцами волосы.

«А вдруг это не мои?»

«Ясь, мы ж тут за правду».

«Точно! Тогда колись как на духу – на аватарке твое фото?»

«Мое, да».

«Тогда я должна сказать, что у тебя тоже красивые губы. Прямо сейчас я бы хотела их поцеловать».

«Жестокая женщина».

«Почему?»

«Подумай об этом, как протрезвеешь». Смайлик.

Сука, сука, сука... Это ж он намекает на то, что я его завела своим замечанием? Да ну. Оно глупое, конечно, но совершенно невинное. И тут же... Яся-я-я-я! Дурында такая. Человек ведь на голодном пайке! Ему, очевидно, и этого предложения достаточно, чтобы теперь до утра со стояком маяться.

Впрочем, это не самая большая глупость, что я сотворила!

Ну, что ж я за дура? Выложила ему все. То, что даже Валуха не знает. Как в глаза-то ему смотреть? Ладно. Мне ж это вроде как не грозит. А-а-а-а. До чего я докатилась!

– Яся, завтрак готов! – орет снизу Адиль.

Я закатываю глаза. Запихиваю в рот таблетки, запиваю водой и иду в душ. О том, что случилось, я подумаю, когда буду к этому готова.

Глава 5

Спустя еще два месяца...

– Мам, еще и плов, что ли?!

– Плов затеял Адиль. Я ни при чем.

– Я же сказала, что гостей не будет... – растерянно хлопаю глазами. – Зачем столько еды?

– Ой, Яська, не жалуйся. Долго ведь будем сидеть, – потирает руки Валюха.

– Вот именно. А ты, Валюш, не знаешь, почему Ясенька в этом году решила так скромно свой день рождения отпраздновать? Я у нее спрашиваю, а она не колетса.

– А что, обязательно полгорода собирать? – фыркаю я.

– А как же? У тебя друзей много, партнеров. Приглашение на праздник – лишний повод выразить им свое уважение. Да и не так уж много летом в городе людей.

– Кажется, кто-то не стоял в пробке на кольце. Судя по трафику – все автомобилисты на месте. – Придирчиво рассматриваю овощную нарезку и, убрав выбивающуюся из общей композиции веточку кинзы, сую ее в рот.

Стол и правда ломится от снеди. Думаю, мама накрывает все эти поляны по привычке. Это тянется из их общего с отцом прошлого, когда мама еще пыталась понравиться казахстанской родне, для которой богатые застолья – норма и повод выказать гостям свое уважение. Бешбармак, сирне,

плов и мясо на мангале. Куча каких-то закусок, салатов... На этом фоне несколько видов сыра и хамон, который я привезла на закуску, просто теряются.

– Ой, жарко! Не знаю, как Адиль не растаял еще у костра, – меняет тему жена моего брата. Случилось то, чего и стоило ожидать – после той ночевки Адила у меня они со Светкой опять помирились. Впрочем, это никого не удивило. Кажется, ругаться-мириться – это выбранный ими стиль жизни.

– Русь, – бросаю в младшего племяша скомканной фольгой. Тот вынимает наушник. – Возьми в холодильнике баночку пива и отнеси отцу.

– Ой, ну что ты мне мужа спаиваешь? – тут же дергается Света.

– Сама ж говоришь – жарко мужику.

– Пусть выпьет компота.

– Сама-то ты чего-то Просекко пьешь, – замечаю я.

– И правда, Свет, – добавляет Валюха, – ты бы поменьше его пилила. Ну, выпьет он, и что?

– Приключения искать пойдет. – Света начинает с остервенением шинковать капусту.

– Да где ж он их найдет в деревне?

– Ох, поверь, он где угодно их найти умудрится.

Нож летит в сторону. Света падает на табуретку, прикрывая лицо ладонями.

– Или тебе кажется, Свет, – тихо замечаю я. И дело ведь не в том, что я хочу как-то выгородить брата (он тот еще

жук), а в том, что Света зачастую и впрямь беспокоится на пустом месте.

– Давай, его защищай. Твой-то где женатик?

Закатываю глаза. Вообще со Светкой у нас хорошие отношения. И кусает она меня исключительно потому, что так ей легче справиться с действительностью. Нападая, она себя перестает чувствовать жертвой.

– А ее женатик развелся! – осаживает Свету Валюха. Вот кто никогда не даст меня в обиду. Пряча улыбку, начинаю раскладывать бумажные салфетки, подтыкая их под край тяжелых керамических тарелок. На улице ветрено, хоть и жарко. Иначе все разлетится.

– Так он что... Яся, нам ждать твоего Игоря? – нервничает мама. Как вы понимаете, она не пришла в восторг, когда узнала, что я встречаюсь с женатым. Радовалась, когда мы расставались, пыталась даже знакомить меня с сыновьями своих подружек, но потом как будто смирилась, что у меня так... Сложно. Неправильно. Даже скандально. К матери у меня много вопросов относительно моего детства. Я не могу сказать, что там все было гладко. Но я пытаюсь ее понять, а она пытается понять меня. И даже если этого не происходит, безоговорочно занимает мою сторону. Наверное, это лучшее, на что может рассчитывать взрослый ребенок в отношениях с родителями.

– Нет, мам. Я его не приглашала. Валюх, наливай, чего стоим?

– Но как же? Некрасиво. Он, наверное, обидится.

– Мам, мы с Игорем не вместе. Все. Я в этой истории поставила точку.

– Зачем же он тогда разводился? – удивляется мама.

– Понятия не имею. Он – взрослый человек и делает то, что считает нужным.

Уж чего мне меньше всего хочется, так это обсуждать Молотова в свой день рождения. Валюха наполняет бокалы. Я тянусь за своим. Сняв с огня бараньи ребрышки, к столу возвращается и Адиль.

– А я смотрю, у вас тут дым коромыслом, – белозубо улыбается он.

– Ага. Присоединяйся, – кивает Валюха. – За именинницу!

– Сашка, Рус, дуйте за стол, – командует Света.

– А тост?

– Да, без тоста как-то нехорошо получается.

Я отмахиваюсь. Кому нужны тосты, когда тут такое мясо?

М-р-р.

– Давайте выпьем за нашу прекрасную принцессу Ясмин. Какие ее годы, правда? Умница, красавица, теперь еще и свободная! – Валюха назидательно выставляет перед собой указательный палец.

– Ну, допустим, после тридцати свободных людей уже нет. Мы все прикреплены к поликлинике, – смеется мама, и мы все вслед за ней.

– За Яську! Здоровья, пусть все мечты исполнятся.

Хорошо... Горячее мясо, прохладное вино. Отличная компания. Даже Светка с Адилем в кои веки не ругаются. Наевшись до отвала, выхожу из-за стола. Этот коттедж мы строили всем миром. Участок маме еще сто лет назад выделили по линии профсоюза. Я дала денег на строительство дома и бани. Адиль проконтролировал стройку. От начала и до конца. Внеся тем самым свою лепту в общее дело. А многое и вовсе сделал своими руками. Теперь эта дача – наше семейное пристанище. Не представляю, что делали люди, у которых не оказалось загородной недвижимости в карантин. Здесь есть все – заросший сад, гамак, качели, и нет ничего лишнего. Никакого пафоса, который я могла бы себе позволить. Все тепло и очень по-домашнему. Здесь я отдыхаю душой.

Чувствую, как в волосы вплетаются чьи-то пальцы. Жмурясь на солнце как кошка, потягиваюсь. В детстве меня не баловали прикосновениями. Мама – человек старой формации, ей было невдомек, как я в этом нуждалась.

– М-р-р...

Мама тихо посмеивается. Садится рядом. Остальные о чем-то болтают в беседке.

– Так ты по поводу Игоря точно решила?

– Точно.

– Хм...

– Ну, и что это твое «хм» значит? – лениво опускаю ру-

ку, осторожно нащупывая стоящий на деревянной дорожке бокал.

– Вы столько лет вместе, Ясь. Он развелся. Может, стоит попробовать дать ему шанс? Тебе-то уже не восемнадцать.

Думаете, я не думала об этом? Ха! Одно дело – что-то там для себя решить. И совсем другое – быть последовательной в своих решениях. Тянет меня к Молотову порою ужасно. С другой стороны, чем дольше мне удастся находиться в стороне, тем большим становится вызов продержаться еще хоть сколько-то.

– Мам...

– Я не настаиваю, ты не думай. Но где девочке твоего уровня найти достойного мужчину?

– Ой, Еленочка Александровна, сейчас с этим вообще нет проблем. Все ж в интернете знакомятся. Да, Яся? – Валюха с намеком вскидывает брови. Я ей, конечно, не говорила, но, кажется, она догадывается, что я продолжаю общаться с Климом.

От необходимости отвечать меня избавляет очередной звонок телефона. Нынче, когда в соцсетях приходят напоминания, никто не забывает тебя поздравить, как это частенько случалось раньше. Поздравления сыплются как из рога изобилия. Дурацкими открытками, содранным из сети стихами завалены все мессенджеры. Это до того нелепо и неискренне, что хоть плачь. А вот звонят редко. И номер еще незнакомый.

– Да?

– Добрый день. Курьер. У меня для вас заказана доставка. Вы не могли бы продиктовать адрес, на который вам было бы удобно получить цветы?

Растерянно называю. Потом спохватываюсь, что за город курьер может и не доехать, но тот успокаивает меня и обещает быть в течение пары часов. Очень странно. Не то чтобы мне не присылали цветов раньше. Просто обычно их отправляли в офис. Ну, или приносили с собой, если я отмечала день рождения в клубе или ресторане. А так, чтобы заказать за глаза... Странно.

– Кто там, Ясенька?

– Курьер, – пожимаю плечами. Краем глаза замечаю, как ко мне, удерживая перед собой водный бластер, приближается младший племянник. Взвизгиваю, когда разгоряченной кожи касаются ледяные струи. – Черт, ты что, воду из колодца таскал?!

– Не-а, – ржет младший, – мы с Саней льда в ведро насыпали.

– Ах так? – плещу в довольную моську племяша остатками вина. Тот ошалело отфыркивается. А я, воспользовавшись случаем, хватаю ведро и замираю, хохоча, посреди сада. Мол, а теперь кто кого?!

– Ну, все. Ты сама нарвалась. Саня, тащи шланг!

Так посреди застолья завязывается эпичная битва, в которую вовлекаются все. Даже соседский пес, напугав своим

лаем мою кошку, до этого чинно возлежащую в корзинке под старой яблоней, а теперь – орущую где-то в кроне. Я все-таки обзавелась питомцем, взятым из приюта. Видно, донашивать за кем-то – моя судьба.

– Ясь, там курьер приехал.

Киваю и плетусь к воротам в компании увязавшейся за мной Валюхи. Парнишка стоит в тени раскидистой вишни. В руках... огромная охапка маков. Я замираю. Прижимаю ладонь к колотящемуся сердцу. Маки для меня – очень символичная штука. Но мне их никогда до этого не дарили...

– Ясмин? Подпишите накладную, пожалуйста.

Отмираю. Торопливо подхожу.

– Да-да, конечно. А от кого цветы – я могу узнать?

– Конечно. Сто пудов там есть записка. Букет дорогуший – капец. Вряд ли кто захочет так потратиться, сохранив инкогнито.

Смотрю на парня. Молодой совсем, потому еще неотесанный. Говорит, что думает. Сейчас такое редкость. Но в принципе что-то про жизнь он уже понял. В ней и впрямь все на показ.

Ставлю подпись под галочкой. Осторожно, не дыша, забираю из рук курьера букет. Зарываюсь в него лицом. Если цветы от Молотова, то он... может, он действительно что-то понял?

– Ясь, эй! Ты нормально себя чувствуешь? Побледнела вся.

– Ага, – киваю рассеянно. – Просто мне маки никогда не дарили, а они... в общем, много значат для меня эти цветы.

– Не знала.

– Да об этом вообще мало кто знает.

– Думаешь, это Игорь?

Развожу руками.

– На словах он меня сегодня не поздравлял. Курьер говорит, здесь должна быть записка...

Но записки мы не находим.

– Стань, я тебя с ними сфоткаю. Красивый получится кадр.

Я поднимаю букет чуть выше, пряча за огромными бутонами цветов нижнюю часть лица. В груди щемит. Несмотря на то, что я, улыбаясь, дурашливо кручусь перед камерой.

– На. Посмотри! По-моему, супер вышло.

Открываю фотки. Их тут с десятков. Ту, где видно лицо, сразу ставлю на аватарку в соцсети. А самую красивую, где на фоне синего неба развеваются мои волосы, а большую часть лица прячет букет, выставляю на сайте знакомств. Мой зэк несколько раз просил, чтобы я прислала ему свое фото. Я, конечно, отказывалась. А сейчас... Не знаю. Просто захотелось. Глупо скрывать свою внешность, когда я поделилась с ним чем-то гораздо более интимным – историями из своей жизни, единственным четким воспоминанием об отце... С папой мы виделись всего пару раз. Однажды,

когда мне было года два, он сам к нам приехал, а еще спустя несколько лет нас с братом отправили к нему на пару недель в Казахстан. Из той поездки, к сожалению, я мало что помню. Только наш выезд в степь на лошадях. Помню мощь коня под собой, его непривычный запах, крепкое тело отца за спиной, его заскорузлые смуглые руки, удерживающие уздечку... И зеленые в алых всполохах маков просторы. Это воспоминание – все, что мне осталось. Ведь спустя еще два года папа скоропостижно скончался.

Цветы я ставлю в десятилитровое оцинкованное ведро. Это так красиво, что я опять щелкаю камерой.

Подходит Адиль. Задерживается задумчивым взглядом на букете, интересуется:

– Ты помнишь, как мы...

– Помню.

Адиль вздыхает. Садится рядом со мной на порожек и обнимает за плечи.

– Я часто думаю, как бы сложилась наша жизнь, если бы родители не развелись. Может, я не стал бы таким мудаком.

– Ты не мудака.

– Расскажи об этом Светке.

– Что рассказать? – ловит обрывок разговора та, подходя к нам с тремя бокалами. Разбираем...

– Какой я классный. Классный же? – усмехается брат, ловя жену за ручку и, несмотря на ее вялый протест, усаживая себе на колени.

– Первокласный, я бы сказала. Первокласный кобелина.

– Да блядь, Свет! Ну, какого хрена? Хорошо ж сидим, нет, ты опять начинаешь!

Слушать ссору не хочется. Я встаю, думая вернуться к столу, когда слышу, как к воротам опять подъехали.

– Ясь, там Молотов, кажись, прибыл, – замечает Валюха, вытягиваясь на цыпочках. Я киваю. Только что унявшееся сердце заходится в новом припадке. С тех пор, как он подал на развод с женой, в офисе гадают, кто стал тому причиной. Некоторые ставили на его ассистентку. И с тех пор, как он ее уволил, в кои веки взяв на работу компетентную, но ничем не выдающуюся с точки зрения внешности женщину, эти догадки только укрепились. Вроде как зачем юной прелестнице прозябать за три копейки в приемной, когда у нее такой папик... Но я-то знаю, что они ошибаются. Игорь ломал свою привычную жизнь в угоду совсем другой женщине.

– Привет. Не ждала, что ты приедешь.

– Не ожидал, что придется переться в такую глушь.

Там, где что-то подтаяло, когда мне привезли маки, снова стынет. Игорь отворачивается, зачем-то открывает пассажирскую дверь и достает огромный веник. Дорогой. С всякими наворотами, намекающими на то, что над созданием композиции потрудились профессиональный флорист.

То есть маки не от Игоря? Ну, конечно. Стал бы он гнать сюда курьера, если собирался приехать сам! Тогда от кого? Тонкая корочка льда в груди со звоном трескается. Боже,

как больно. Не зная, куда себя деть, зачем-то вытаскиваю телефон из кармана. А там сообщение.

«Ты очень красивая девочка, Яся. И маки тебе к лицу».

Глава 6

О боже! О боже...

«Ты очень красивая девочка, Яся. И маки тебе к лицу».

Но как? Он же за решеткой! Да и букет... Ну вот сколько такой может стоить? Долларов пятьсот? Откуда у зэка деньги? Я, конечно, интересовалась у Клима, как у них с работой в колонии, но не думаю, что денег, которые ему платят за пошив спецформы, хватит хоть на ленточку от букета.

Да и не затем сидельцы ищут баб на воле, чтобы на них тратиться.

– Яся, ты куда? – зудит за спиной голос Молотова.

– Ты проходи, Игорь, – бормочу на автомате, глядя в телефон. – Мне тут нужно ответить...

«Это ты?»

«Что я?» – прилетает тут же.

«Ты мне их прислал?»

Вопрос дурацкий. Я понимаю. Но если я его не задам – изведусь. Ту историю про маки знает... Да никто не знает, в том-то и дело! Конечно, я допускаю мысль, что кто-то из моих знакомых просто захотел выпендриться, вот и купил наобум едва ли не самые редкие в эту пору цветы. Но, блин, как так вышло, что единственный букет, который меня сегодня нашел – состоит именно из маков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.